

ВВЕДЕНИЕ

В западноевропейской историографии и западной культуре в целом личность и деяния Петра Великого имеют по большей части положительные оценки. Конечно, тут сыграл роль его общепризнанный имидж вестернизатора, модернизатора прежде отсталой России, воспользовавшегося культурным, техническим, военным и иным опытом западноевропейских стран.

В России же споры (в том числе научные) о характере реформ Петра Великого и его личности до сих пор не утихают. Это не случайно — Россия, в очередной раз пройдя круг (увы, не виток!) своей истории, возвращается к извечным вопросам о целесообразности, цене и значении преобразований. И тут же из глубин прошлого поднимается фигура Петра, который жизнь положил на поиски решения этих «проклятых» непреодолимых русских вопросов.

В данной работе я не собираюсь надолго останавливаться на историографии, ибо она попросту необъятна. Коснусь лишь самого важного для нашей темы. Итак, в первые постпетровские десятилетия XVIII века российская историография Петра Великого была исключительно комплиментарна, что характерно и для царствования его дочери, императрицы Елизаветы Петровны (1741–1761). Да и всем прочим

преемникам Петра Великого хотелось (и приходилось) считать себя продолжателями его дела, хотя в реальности могло быть и по-другому. Неудивительно, что тогдашняя историческая наука воспринимала его не иначе как демиурга, создавшего новую Россию, воплощенного бога, совершившего с ней, как писал вице-канцлер П. П. Шафиров, «метаморфозис, сиречь претворение». Великий русский ученый М. В. Ломоносов в унисон эпохе восклицал: «Он бог, он бог был твой, Россия!» Поколения русских мыслителей были убеждены, что, не будь Петра, мы бы несомненно пропали. Как писал В. Г. Белинский, без Петра Россия, может, сблизилась бы с Европой, «но точно так же, как Индия с Англией».

В немалой степени подобному взгляду способствовало популярное не только на Западе, но и в нашей стране сочинение Вольтера «История Петра Великого», написанное на основе присланных из России материалов. Оценки Вольтера были исключительно положительными. Да и позже «аплодисментный» тон историографии сохранялся. Историк XIX века М. П. Погодин писал: «Мы просыпаемся. Какой нынче день? — 18 сентября 1840 года. Петр Великий велел считать годы от Рождества Христова, Петр Великий велел считать месяцы от января. Пора одеваться — наше платье сшито по фасону, данному первоначально Петром, мундир по его форме. Сукно выткано на фабрике, которую завел он, шерсть настрижена с овец, которых развел он. Попадаетея на глаза книга — Петр Великий ввел в употребление этот шрифт

и сам вырезал буквы. Вы начнете читать ее — этот язык при Петре сделался письменным, литературным, вытеснив прежний, церковный. Приносят вам газеты — Петр Великий начал их издание. Вам нужно купить разные вещи — все они от шейного платка до сапожной подошвы будут напоминать вам о Петре Великом, одни выписаны им, другие введены им в употребление, улучшены, привезены на его корабле, в его гавань, по его каналу, по его дороге. За обедом, от соленых сельдей до картофеля, который сенатским указом указал он сеять, до виноградного вина, им разведенного, все блюда будут говорить вам о Петре Великом. После обеда вы едете в гости — это ассамблея Петра Великого. Встречаете там дам, допущенных до мужской компании по требованию Петра Великого. Пойдем в университет — первое светское училище учреждено Петром Великим. <...> Мы не можем открыть своих глаз, не можем сдвинуться, не можем оборотиться ни в одну сторону без того, чтобы не встретился с нами Петр, дома, на улице, в церкви, в училище, в суде, в полку, на гулянье, все он, всякий день, всякую минуту, на всяком шагу!»

Первые сомнения в правильности подобных оценок появились в царствование Екатерины Великой. Вышли они из-под пера профессионального историка князя М. М. Щербатова. Формально он принадлежал к когорте почитателей великого преобразователя России и даже в одной из своих работ сделал «подсчет», за сколько лет Россия, не будь Петра Великого, достигла бы екатерининского процветания. Выяснилось, что

это произошло бы только в конце XIX века! Как свидетельствуют современники, князь Щербатов был мизантроп и критикан, однако критиковал Петра необычайно тонко. В 1773 году он написал работу под названием «Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого». В ней Щербатов приводит негативные оценки некоторых анонимных недоброжелателей Петра и его дел и... решительно опровергает их в русле господствующего историографического взгляда на государя-реформатора. При этом Щербатов раскрывает всю палитру тогдашних негативных суждений о Петре, знакомя читателей с новыми, для многих ошеломляющими идеями. Так в советское время мы познакомились с запретными веяниями «оттуда» по критическим, порой разгромным статьям и брошюрам советских философов и историков. Чем больше было цитат из сочинений предаваемых анафеме авторов, тем глубже нам удавалось погрузиться в мир западных писателей и философов. Щербатов будто бы цитирует чьи-то обвинения Петра в жестокости, любви к казням и пролитию крови, в нецивилизованном отношении к окружающим, разврате, сыноубийстве, склонности к пьянству, в установлении свирепого режима самовластия и т. д. Как бы оправдывая вторжение в эту явно запретную сферу, он ссылается на свой долг историка — писать правду и даже обращается к Петру: «Каким бы ни было мое почтение тебя, но не затмит оно во мне справедливости, и я постараюсь испросить от Клио то золотое перо, которым дела монархов изображает».

Ловко замаскированная критика Щербатова стала первой ложкой дегтя в огромной бочке меда похвал царю-реформатору. Следующей вехой стало знаменитое произведение историка и писателя Н. М. Карамзина «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», написанная в 1811 году и сместившая фокус дискуссии с личности Петра (Карамзин так и пишет: «Умолчим о пороках личных») к общефилософским, историософским проблемам: нужна ли была России такая реформа, продуктивны ли были усилия Петра по перенесению на русскую почву институций и порядков чужих стран, не слишком ли дорого достались России плоды западной цивилизации, стоило ли подрывать традиции, разрушать уклад оригинальной русской жизни, порочить прошлое? Карамзин не прибегает к «хитрым» приемам Щербатова, а пишет прямо и горько, бросая Петру обвинения в губительном искажении основ национального менталитета: «Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государств. <...> Искореняя древние навыки, представляя их смешными, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце. Презрение к самому себе располагает ли человека и гражданина к великим делам? Имя русского имеет ли для нас теперь ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде? Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России. Виною — Петр». Ясно, что идеи Карамзина порождены его временем; продиктованы

они и драматической ситуацией накануне столкновения с Наполеоном, когда в национальной истории нужно было найти опору для борьбы...

Как известно, рассуждения Карамзина о Петре (вкуче с другими обстоятельствами) во многом послужили толчком к возникновению двух основных идейных направлений борьбы в русской интеллектуальной элите: западников и славянофилов. Их борьба, порой ожесточенная, в конечном счете вращалась вокруг Петра — центральной исторической фигуры Нового времени. Затихая и возобновляясь, ожесточенный спор, следуя извивам непростой русской истории и сменам идеологических концепций, продолжается, в сущности, до сих пор. Петр стал своеобразным индикатором, который позволяет практически сразу определить политические взгляды собеседника и даже его профессию. Однажды я слышал по радио, как министра по чрезвычайным ситуациям спросили о его отношении к великому реформатору. Он ответил вопросом на вопрос: «А как же можно относиться к государственному деятелю, который построил огромный город, Петербург, в зоне опасной для проживания людей, в зоне сокрушительных наводнений?» Нет сомнений, что до сих пор в науке и обществе сохраняется черно-белое восприятие Петра и его преобразований.

Есть еще один, зачастую невидимый со стороны конфликт внутри историографии. Так вышло, что между историками, изучающими XVII и XVIII века, лежит некая пограничная полоса со столбом, на котором написано «1700 год». Близкие по изучаемой

тематике историки подчас не понимают друг друга, избегают углубляться на «чужую территорию», опасаясь быть поднятыми на смех. Боязнь пересечь эту черту обусловлена несхожестью явлений и процессов в соседних по времени эпохах, а также существенным отличием исторических источников, во многом определяющих мировосприятие историка.

Исследователям победной эпохи петровских преобразований и всего XVIII века (вроде крупнейшего историка Н. И. Павленко) допетровская эпоха кажется в лучшем случае «черновиком», подготовительным этапом великих преобразований Петра, «вытащившего Россию из болота Средневековья», этакой «взлетной полосой» для петровской России Нового времени, устремленной вперед, к прогрессу. Историков же века XVII традиционно ориентировали на поиски проявлений «классовой борьбы» (любимый термин советской историографии — «XVII век — бунташный век»), которая должна была век от века разрастаться, чтобы достичь своего катарсиса — «Великой Октябрьской социалистической революции». В лучшем случае их направляли на поиски несовершенных «ростков капитализма», «признаков всероссийского рынка», явлений «бюрократизации». Исследования же тех ученых, кто пытался оценить процессы второй половины XVII века иначе, чем предписывалось официальной историографией (показать, что происшедшая после 1700 года резкая перемена — «прерванный полет», отказ от того оригинального пути, по которому Россия еще до Петра двигалась в том же направлении,

что и вся Европа), явно не одобрялись историческим начальством. В своем искреннем желании показать своеобразие развития страны в XVII веке некоторые историки впадали в крайности, выдавали желаемое за действительное и даже невольно окарικатуривали предмет своих научных изысканий. Особенно это ярко сказалось в работах по истории времен царя Федора и Регентства царевны Софьи, принадлежащих перу А. П. Богданова.

Я — историк Петра, написавший несколько книг о его реформах, личности и царствовании. Многие годы Петр Великий занимал все мои мысли — столь он сложен и многогранен. Сейчас, когда схемы марксистского восприятия истории более-менее отошли в прошлое, приходит понимание того особого места, которое Петр занимает в сознании нашего общества. В отличие от властителей последующих времен он имеет безупречную государственную репутацию. Мы интуитивно чувствуем в нем государственного деятеля, который искренне отдавал свою жизнь, всю, без остатка, служению России. Вызывает симпатию его дерзость, оригинальность мышления, государственный романтизм, мечты о благе России. Удивительным образом многие его полюбили. Либералы и западники благодарны ему за открытие пути на Запад. Именно Петр приобщил нас к цивилизации, в которой свобода, правосудие, неприкосновенность личности и собственности превыше всего. Он заставил русское дворянство учиться и путешествовать, пробудил в нем понимание личной чести, человеческого достоинства

и тем самым невольно предопределил появление русской интеллигенции, которая, несмотря ни на что, до сих пор хранит в нашем обществе начала свободы, достоинства и чести — всего того, что не продается и не покупается. Петр угодил технократам, чуждым политики, осуществив невиданный по объему перенос в Россию знаний, технологий, навыков. Он породил русскую науку, на пустом месте создал Академию наук, без которой немислима русская цивилизация. А русская литература? Чем она обязана Петру? Марина Цветаева писала, что в тот момент, когда Петр остановил свой взгляд на маленьком арапчонке, этот взгляд сказал: «Пушкину — быть!» Петр-государственник угодил и приверженцам имперских ценностей и, как им кажется, животворной для России идеи авторитарной, «сильной» власти.

Но в оценке Петра и его великого дела европеизации я не могу пройти и мимо точки зрения, отрицающей петровскую «революцию сверху» и осуждающую ее принципы и методы. Да, кроме армии почитателей Петра есть небольшой взвод его недоброжелателей. Они тоже разные. Одни, как едко выразился известный публицист, патриоты «с капустой в бороде», полагают, что являются продолжателями славянофилов XIX века, но при этом не обладают интеллектом и знаниями Аксаковых и Киреевских.

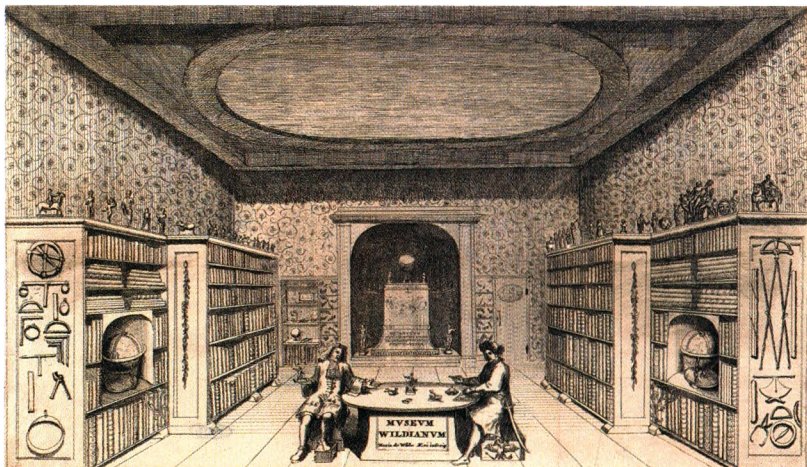
Другие недоброжелатели много знают о Петровской эпохе, но порой резко оценивают ее по современным меркам. Я не вижу в этом ничего зазорного. Не так уж и плохо следовать по пути, указанному Карамзиным,

который в оценке действий людей в истории исходил из норм христианской морали. Это гораздо лучше, чем давать оценки людям, исходя из «классовых» или классовых критериев. Возможно, иным историкам может не понравиться мое отступление от историзма, если я скажу, что христианская мораль, существующая две тысячи лет и легшая в основу морали современного общества, вполне приложима и к Ивану Грозному, и к Петру, и к Сталину, учитывая то обстоятельство, что они не хуже нас знали главные этические принципы и прекрасно понимали, что любое злодеяние противоречит этим принципам. Недаром царь-убийца Иван Грозный порой впадал в состояние раскаяния, со слезами просил у Господа прощения и даже составил синодик — список своих жертв, адресованный Богу. И когда сбивался в перечне своих жертв, добавлял: «А остальных, Господи, Ты сам ведаешь».

Даже если строго придерживаться принципов историзма, невозможно закрывать глаза на очевидные недостатки и серьезные ошибки петровского реформаторства. В итоге, задумывая этот труд, я решил выступить перед читателем в двух ипостасях. В первой предстанет почитатель Петра, отчасти западник, отчасти государственник, словом — просвещенный патриот, который оправдывает и защищает его. Во второй ипостаси — умеренно консервативный патриот, который, напротив, осуждает Петра, но не огульно, а всесторонне изучая его биографию и деяния. Я убежден, что обе позиции имеют право на существование: они, как ни странно звучит, по-своему

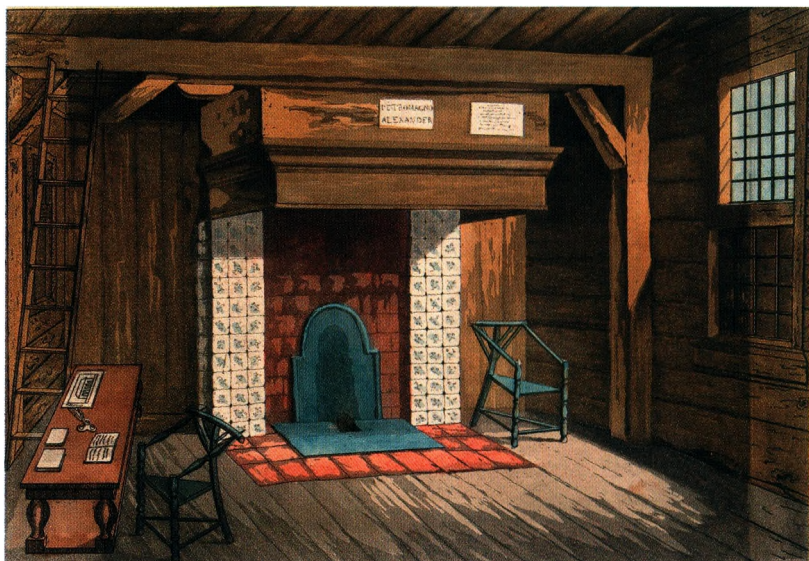
верны и красноречиво отражают сложную, неоднозначную роль Петра в русской истории.

Как в шахматной партии, которую разыгрываешь сам с собой, в обеих позициях я старался играть без поддавок, отстаивая каждую точку зрения с максимальной честностью, серьезностью и всей доступной мне аргументацией. Когда я читал лекцию на эту тему, то в роли почитателя я надевал шляпу, а выступая от лица критика, недоброжелателя, снимал ее... Не буду идти дальше в поисках аналогий. Достаточно вспомнить всегда актуального Салтыкова-Щедрина, который подробно описывал мирную беседу «мальчика в штанах» с «постреленком» — «мальчиком без штанов», между прочим фактически на ту же самую волнующую нас сегодня тему. Приводимые цитаты в тексте как бы записанной мной дискуссии пусть не кажутся читателю подобранными заранее. В жизни бывает, что пока твой оппонент говорит, ты хватаешь с полки книгу, находишь и зачитываешь цитату или, как ныне бывает чаще, пока он говорит, ты пишешь два-три ключевых слова в поисковой строке Google, и через мгновение у тебя на экране уже «висит» искомая цитата. Конечно, не все в споре можно уснастить точными цитатами, что-то вспоминается приблизительно — ведь это не научная статья, а дискуссия — особый жанр. Итак, начнем с самого главного вопроса...

Мария де Вайлд. Царь Петр посещает музей Вильдианум.

1697 – 1700. Рейксмузеум (Rijksmuseum, Amsterdam)

Неизвестный автор. Интерьер дома Петра в Заандаме.

1697. Рейксмузеум (Rijksmuseum, Amsterdam)

Schubert. del.

Meno Haas'sc.

Peter in Saardam.

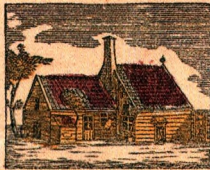
Pierre à Saardam.

Мено Гаас. Царь Петр в своем доме в Заандаме.

1697, Рейксмузеум (Rijksmuseum, Amsterdam)

De aankomst des Keizers, met eenen vloot van 100, te *Zaanland*. In schippers' eerd vermenst, springt hij uit het vaertuyg, om het vast te maken.

Hier huilde te *Zaanland*, wessin de Keizer gebooren heelt bij den smid CERRIT RIST, die reeds te *Archangel*, in *Rusland*, had gewerkt.

De Keizer koopt, in den winkel van de *Wetruwe* JACOB COMPS, op den Hoofdenlyk te *Zaanland*, Schepskuttermans geseelschap.

De Vorst van het nigefroekte *Rusland* neemt het aevenlyge midtagnaal bij twee vrouwen, welke maanen in *Rusland* wercken; en zegt dat hij ook een schepmaker is.

Hier gebruikt de Vorst gekochte pruimen uit zijn heerd. Op den *Zak-dijk* gekomen, werpen de jongens hem met steenen, van welken één hem aan het hoofd treft.

De *Burgemeester* WITSEN, te *Amsterdam*, strekt den Keizer ten bekenneker, en geeft hem inlichting omtrent *Noord- en Oost-Tartarië*, welke in *Rusland* liggende.

Hier beoefent de Vorst, onder den naam van *Pieter-haas*, den schepshouw, op de *Werk der Oost-Indische* Maatschappij te *Amsterdam*; en ontvengt een bezoek.

Hier bezoekt PETER een zeer voornam *Russisch* persoon, *MENZIKOFF*, door hem op het *Mastenmaker* beheld, en toont hem hoe hij werken moet.

De Vorst, met *Burgemeester* WITSEN naar den *Jhuus* verhuide, treedt nit het rijtuig, om een *Rustwagenschouwen* van nabij te zien, en gaat daarna op een land dat onder water staat.

In den *Haag* gekomen alzide, wolgert de Keizer in den *Ouden Doel* het voor hem geseend gemakke *Landkrent*; hij vindt een *Rus* op een *beerenheid* liggende, werkt hem, en zegt: *Op, op! voert, voert! „dier wil ik sappen!”*

In 1717 bezoekt de *Cassinnig* te *Amsterdam*. De *Wiel* opzende, zegt een *Vrouw*: *„Dag „Pieter-haas! heet gij mij niet? Ik ben de *Vrouw* „van *Daas* Pool.”* Waarop hij bise om *Urn*.

Weder te *Amsterdam* gekomen, bezoekt de Keizer een *kerk*. De *Leester* spreekt tot hem: *„Dank wij! „sprek wij! en doe wij!”* — Toen seide de Keizer tot zijn *Priester*: *„Zou moest gij ook doen, maar „gij hebt te veel bij-jel!”*

Кристиан Яков Шилинг. Некоторые подробности путешествия в Амстердам царя Петра.
Б. г. Рейксмузеум (Rijksmuseum, Amsterdam)

ЧТО ТАКОЕ РОССИЯ

Эта научно-популярная серия призвана опровергнуть знаменитое изречение Федора Тютчева “умом Россию не понять...”. В центре внимания ведущих историков — драматический процесс модернизации страны: как многолетние усилия России догнать передовые западные страны отразились на всех сферах жизни общества (от принципов государственного управления до повседневных практик). Обогащая наше представление о прошлом, мы углубляем наше понимание проблем и вызовов современности.

С Петра начат наш главный исторический спор о путях России. Евгений Анисимов написал книгу, с которой согласятся и сторонники, и противники основателя империи. В ней про “благо” и “зло” не одного Петра, а обоих судьбоносных путей.

Леонид Парфенов, журналист

Спор о Петре — это спор без конца, поскольку он, по словам академика А.М. Панченко, — “оселок русской мысли”. Книга Евгения Анисимова блестяще демонстрирует невозможность его однозначной научной оценки, ибо прошлое всегда столь же противоречиво, как и настоящее.

Александр Каменский, историк

Новое
Литературное
Обозрение

Партнеры проекта

Arzamas